

Н. В. Макаров

**«ДИАЛОГИ МЕДВЕДЯ С БОГОМ» НАВАРРА СКОТТА МОМАДЕЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
КОРЕННЫХ СЕВЕРОАМЕРИКАНЦЕВ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 16.06.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-6

70

Для цитирования: Макаров Н. В. «Диалоги Медведя с Богом» Наварра Скотта Момадея как отражение национальной картины мира коренных североамериканцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. №2. С. 70–79. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-6.

Статья посвящена анализу художественной модели мира в произведении «Диалоги Медведя с Богом» американского автора индейского происхождения Наварра Скотта Момадея. Рассматривается влияние верований коренного населения Северной Америки на авторское представление о таких аспектах сознания и бытия, как религия, язык, время, пространство, искусство и мышление. Отмечаются особенности национальной картины мира индейцев, в которой концептуальное значение имеют образы Бога, человека, животного, а также понятие души. Показано взаимодействие индейской и западноевропейской картин мира в авторском сознании Наварра Скотта Момадея.

Ключевые слова: индейская литература, Наварр Скотт Момадей, мышление, религия, художественный образ мира

Современные процессы деглобализации побуждают обратиться к культурам, которые ранее оставались в тени или подвергались мифологизации. Желание представителей этих культур понять себя, определить свою идентичность закономерно вызывает интерес у исследователей. Это относится и к нашему научному объекту — литературе коренных народов Северной Америки и, в частности, к произведениям наиболее яркого ее представителя — Наварра Скотта Момадея. По мнению В. С. Елистратова, «XXI век станет веком настоящего “индейского ренессанса”. В том числе литературного» [5]. А Е. В. Староверова утверждает, что возрождение литературы североамериканских индейцев началось именно с выхода в 1968 г. романа Н. С. Момадея «Дом, из рассвета сотворенный» («House Made of Dawn»), после чего «этническое самосознание коренных американцев принесло исключительно обильные плоды» в американской литературе [9].

Стереотипное представление о североамериканских индейцах, ставшее результатом колонизации, определяет проблематику нашего исследования. По утверждению Дж. Тримбла, за годы сосуществования представителей западной и индейской цивилизаций последняя подверглась сильной стереотипизации, причем преимущественно с негативной окраской. Исследователь отмечает, что многие из стереотипов являются «пережитками ранних отношений между индейцами и белыми; они варьируются от благожелательного замечания о том, что индейцы — нецивилизованны, невинны и искренне любят природу, до более язвительного описания индейцев как дикарей, животных и убийц. В последнее время тон несколько смягчился, но сами же стереотипы сохраняются» [15, р. 188]. Наша работа, в свою очередь, стремится продемонстрировать фрагмент картины мира коренных жителей Северной Америки обособленно от колонизаторских предрассудков.

Выбор в качестве анализируемого произведения «Диалоги Медведя с Богом» («The Bear-God Dialogues») обусловлен тем, что данный текст занимает важное место в литературном наследии Момадея. В. С. Елистратов видит в нем «итоговое произведение писателя, в котором индейская культура ищет диалога с мировой цивилизацией. И находит его» [5]. А А. В. Ващенко отмечает, что в лице главных героев — Медведя и Бога — Момадей «противопоставляет Восток Западу, индейцев — европейцам, цивилизацию — традиционной культуре» [2, с. 75]. Но вместе с тем автор стремится «соединить образной мыслью все лучшее, что содержится в традиционной индейской культуре и человеческой цивилизации» [2, с. 75].

По мнению Б. Кигана, именно особая религиозная система выступает основой идентичности североамериканских индейцев. Тем не менее, как утверждает Киган, научные исследования прошлых веков (особенно периода колониальной политики Европы, а затем и ранних Соединенных Штатов) в отношении Северной Америки характеризуются «искажением фактов и антикоренными настроениями» [12, р. 3]. На сегодняшний день Б. Киган считает многообещающим междисциплинарный подход, рассматривающий религию коренных народов Северной Америки в совокупности с их искусством, образованием, медициной, политикой, экономикой и правами, что признаётся нами справедливым и резонным.

В соответствии с межкультурными тенденциями современного литературоведения мы проведем анализ национально-этнического мировосприятия в избранном нами произведении во взаимосвязи с его художественной спецификой. Как утверждает Д. И. Полубояров, художественная картина мира «выступает своеобразным посредником между искусством и мировоззрением, обуславливая многие черты представления человека о мире, влияя на его знания и убеждения, особенности познания» [7, с. 7]. А Ф. П. Фёдоров говорит, что художественный мир произведения во многом идентичен картине мира в ее художественном, в частности литературном, воплощении [11, с. 8–12]. В этой связи, как справедливо отмечает А. В. Ващенко, «произведения индейских ав-

торов интересны тем, что обозначают глубинный процесс выживания индейской культуры» [3, с. 869]. Более того, становление автохтонной литературы Северной Америки «не повторяет общего эволюционного ритма национальной литературы, проявляя собственную закономерность» [3, с. 870], что приводит к формированию уникальной, национально обусловленной проблематики, а также отражает собственные ориентиры дискурса.

Образ медведя занимает центральное место в рассматриваемом сборнике неслучайно. По утверждению самого Момадея, медведь для индейцев, в особенности для кайова, родного племени писателя, — это олицетворение естественной дикости (*wilderness*) как одной из составляющих мироздания [13, р. 9–11]. Именно поэтому лексема «медведь» употребляется автором с большой буквы и без определенного артикля — *Bear*. Так подчеркивается его божественная сущность и вместе с тем абстрактность как божества — аналогично в английском языке употребляется слово «Бог» (*God*). Точно так же в тексте упоминаются и другие животные: Пёс, Рыба — *Dog, Fish*.

Такое почитание действительно свойственно коренным народам Северной Америки. Преобладающее большинство племен обожествляло животных, особенно родового представителя — определенного первопредка того или иного индейского рода: это мог быть Медведь, Олень, Орёл и т. д. Дж. М. Уайт утверждает, что «многие индейские божества принимали обличье птиц, животных, пресмыкающихся... Почти любое живое существо дикой природы на территории Америки и Канады считалось священным у того или иного сообщества» [10, с. 139–140]. Также животные в представлении коренных североамериканцев иерархически располагались выше самого индейца, так как имели более тесную связь с дикой природой, чем человек, и превосходили его во всех физических качествах.

Обращает на себя внимание имя Медведя в произведении Момадея — *Urset* (Урсет). Оно имеет трехкомпонентную структуру, включающую морфемы латинского языка и языка кайова: латинский префикс *ur* — *pra-* и корень *set*, что на кайова обозначает медведя; кроме того, на стыке лексем угадывается корень *urs* от латинского *ursus*, также обозначающего медведя. То есть мы имеем дело с «Прамедведем», причем смысловое удвоение (*urs* и *set*) едва ли можно считать случайным. Таким повтором Момадей, выросший в мультикультурной американской среде и усвоивший как национальную (этническую), так и западную (американо-европейскую) картины мира, подчеркивает всеобщий и универсальный характер Медведя-божества — духа дикой природы.

В разговоре об образе Медведя как божества у Момадея необходимо обратиться к роману отечественного писателя Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Такая параллель неслучайна: Айпин — давний друг Момадея, с которым они познакомились во время одного из многочисленных визитов американского писателя в Россию. Во время первой поездки в Сибирь в 1994 г., посетить которую Момадей мечтал долгие годы [14], он попал под впечатление культа медведя хантов —

Медвежьих игрищ, описанных в том числе в одной из глав романа Айпина [1, с. 234–248]. К тому же, по утверждению товарища Момадея и переводчика его работ А. В. Ващенко, Момадей читал эту главу, после чего и написал «Диалоги...» [4, с. 23–24]. Необходимо заметить, что в произведении Айпина каждый хант относит себя к конкретному роду, определяемому по животному, например Медведю, Оленю. Момадей, в свою очередь, также пишет в предисловии о принадлежности к роду Медведя. Важно, что в «Диалогах» автор характеризует Урсета как медведя исконного: «I am a bear, an old bear, the original bear» (*Я медведь, старый медведь, первоначальный медведь*¹) [13, р. 23], где *original* от *origin* — «начало, первопричина».

Айпин описывает как обязательное действующее лицо Праздника Медведя певца, который исполняет песни мифологического содержания о медведе на протяжении всего празднества. Поэтому можно предположить, что «Диалоги...» — сборник легенд о медведе как божестве вообще, без соотношения с каким-либо народом (будь то кайова или ханты), рассказываемых на Медвежьих игрищах.

Бог в произведении Момадея — высшее существо, творец всего сущего, в том числе и Медведя: «How could I not know you, Urset? I created you» («Как я могу не знать тебя, Урсет? Я создал тебя») [13, р. 15]. Однако Бог признаёт, что что-то существовало и до него, например История (в оригинале *Story* — в значении 'Повествование', 'Сюжет'): YAHWEH: *Well, there is only one story, after all. But there are many stories in the one. <...> It is older than I, for I am contained in it. It has neither beginning nor end in time* (ЯХВЕ: *Ну, в конце концов, есть лишь одна история. Но в одной истории много других историй. <...> Она старше меня, потому что я содержусь в ней. У нее нет ни начала, ни конца во времени*) [13, р. 35].

Здесь также можно говорить о скрытой метафоре «История — мать, а Бог — ее ребенок»: Бог, словно ребенок, находится в чреве матери-Истории. Кроме того, мать (История) старше сына (Бога), о чем также говорится в тексте. Более того, изначальное *historia* в латинском языке — женского рода. А учитывая языковую игру, сокрытую в имени медведя — Урсет, знание Момадеем латинского языка не вызывает сомнений.

Как свойственно любой религии, коммуникация между творцом и творением в индейской картине мира осуществляется посредством молитвы. Бог в тексте «Диалогов...» определяет молитву как разговор с самим Богом, и даже самый простой разговор уже является молитвой: URSET: *Am I praying now, Great Mystery?* / YAHWEH: *Even as we speak* (УРСЕТ: *Молюсь ли я сейчас, Великая Тайна?* / ЯХВЕ: *Даже сейчас, когда мы разговариваем*) [13, р. 26]. В этом смысле весь сборник предстаёт молитвой Медведя. Также интересен и тот момент, что молитва не всегда должна обладать вербальным воплощением: YAHWEH: *And it [prayer] is the silence from which your words proceed* (ЯХВЕ: *И это [молитва] — тишина, из которой происходят твои слова*) [13, р. 26]. Более того, молитва необходима не только смертным и сущностям, приближенным к божественным, кем Медведь и является, но и самому Богу: URSET: *Do you pray, may I ask?* /

¹ Здесь и далее перевод мой. — Н.М.

YANWEN: *Devoutly, unceasingly. It is what I do; it is what I am* (УРСЕТ: *Могли ли я спросить, – а ты молишься? / ЯХВЕ: Преданно, непрестанно. Это то, что я делаю. Это то, что я есть*) [13, р. 26].

Сам образ Бога абстрактен и собирателен, можно даже сказать, что это экуменический Бог. Мы находим отсылки и к Новому Завету: YANWEN: *In the beginning was the word, you know, and I was there. I was the word* (ЯХВЕ: *Вначале было Слово, ты знаешь, и я был там. Я был Словом*), и к Ветхому: YANWEN: *I Am is my name, and Jehovah and God and the Supreme Being and the Great Mystery* (ЯХВЕ: «Я Есмь» – мое имя. И Иегова, и Бог, и Верховное Существо, и Великая Тайна) [13, р. 17]; в конце молитвы оба героя используют частицу «Аминь». Более того, Момадей дает Богу иудейское имя Yahweh (Яхве), считающееся табуированным для произношения в иудаизме. Однако едва ли можно усмотреть в этом попытку соотносить образ Бога с иудаизмом или иной религией. Как нам представляется, Момадей таким образом создает абсолютный образ единого Творца – отсылая к разным религиям и нарекая Бога самым древним из Его имен. Интересно, что Урсет называет Бога «Яхве» лишь дважды – в конце первой главы и в конце последней. Причем второй случай встречается только во втором издании, 2010 г., куда вошли две дополнительные главы, которые в некотором смысле контрастируют с изначальными восемью главами оригинального издания 1999 г. в плане авторского стиля и философской мысли. Другими словами, в первом издании Медведь только единожды позволяет себе обратиться к Богу по имени, причем делает это, повторяя предшествующую фразу Бога: YANWEN: *You are, Urset. I am, Yahweh.* / URSET: *In my words and in my heart I am Urset. You are Yahweh* (ЯХВЕ: *Ты есть Урсет. Я есмь Яхве.* / УРСЕТ: *В моих словах и в моем сердце я есмь Урсет. Ты есть Яхве*) [13, р. 18]. Более того, сам Бог также называет свое имя один раз на протяжении всех диалогов именно в этом фрагменте. Библейскому имени Медведь предпочитает аутентичное обращение к Богу – Great Mystery (Великая Тайна). Согласно А.В. Ващенко, теоним «Великая Тайна» достаточно распространен среди индейских племен Северной Америки и определяет «высшую божественную жизнотворную силу, разлитую в мире» [2, с. 65].

Помимо религии, Момадей в «Диалогах...» затрагивает иные аспекты бытия, содержание которых имеет больше национально-специфичное, чем западноевропейское наполнение. Так, например, автор представляет язык как одну из первооснов мира – наравне с землей, воздухом, огнем, водой и тишиной: YANWEN: *With these hands I placed you [Urset] in the elements of earth, air, fire, water, and language and silence* (ЯХВЕ: *Этими руками я поместил тебя [Урсета] среди элементов земли, воздуха, огня, воды и языка с тишиной*) [13, р. 18]. Тем не менее Момадей описывает его как порождение детской игры, что к тому же перекликается с библейским сюжетом о том, как Адам давал имена животным: YANWEN: *Oh, the children made it [language] one day. Poor Man, he had been trying so hard to talk, for such a long time. Then the children went out and played together. At the end of the day they had possession of language* (ЯХВЕ: *О-о, ego*

[язык] как-то раз создали дети. Бедный Человек – с таким трудом он долго пытался заговорить. И как-то вышли дети вместе поиграть. К концу дня они уже овладели языком) [13, р. 40].

Мыслящее посредством языка сознание автор сравнивает со звездами и галактиками: YANWEN: *Thought is made of language – a sky full of glittering words, if you like. There are galaxies of words in the mind, you know. Just think, Urset, if you close your eyes, you can see the Milky Way writ large, as it were, in language – in letters and alphabets and words, in glyphs and ciphers, in paragraphs and passages and pages – a broadside of the universe, if you will. Celestial graffiti* (ЯХВЕ: *Мысль сотворена из языка. Это как небо, полное сияющих слов, если хочешь. Знаешь, там, в сознании, – галактики слов. Представь, Урсет: если закрыть глаза, то можно увидеть Млечный Путь, крупно начертанный посредством языка – буквами, алфавитами и словами, иероглифами и шифрами, параграфами, пассажами и страницами – плакат вселенной, если пожелаешь. Небесное граффити*) [13, р. 43]. Но вместе с тем Момадей в этом сравнении видит и наибольшую опасность – «темную как космос и глубокую как океан пучину», где легко потеряться мыслью. Что важно, страх перед таким внутренним блужданием выражает именно Бог, причем об этих глубинах ему известно, но они не постигаемы даже Им, в то время как Медведю недоступна сама идея о бесконечности разума.

Стоит упомянуть, что антрополог Л. Спенс не верил в возможность возникновения сложной концепции бесконечности в примитивном, по его мнению, сознании североамериканского индейца [8, с. 110]. Даже несмотря на то, что работа этого шотландского ученого «Мифы североамериканских индейцев» («The Myths of the North American Indians», 1914) является достаточно давней и отражает европоцентристскую культурную картину мира колониальной эпохи, тезис Л. Спенса о примитивном мышлении индейцев в определенной мере подтверждается исследуемым эпизодом «Диалогов...».

Познание мира североамериканским индейцем в «Диалогах...» осуществляется посредством «грез» (Dreams), понятых как сновидение и игра воображения. Грезы в восприятии автора «Диалогов...» – это и творческий замысел, и сам акт сотворения мира Богом: YANWEN: *[I dreamed] all of them [animals, nature, etc.], from the single cell to the blue whale. I dreamed Creation into being, all of it. You are a dream in my mind, Urset, and your dreams I have dreamed into your long sleep* (ЯХВЕ: *[Я грезил] всеми ими [животными, природой и т.д.], от одной-единственной клетки до огромного синего кита. С помощью грез я превратил Творение в реальность, всё целиком. Ты – греза моего ума, Урсет, а твои грезы пригрезились мне в твоём долгом сне*) [13, р. 30]. Кроме того, грезы – это способ восприятия реальности, о чем свидетельствуют слова Бога Урсету: YANWEN: *Dreaming is surely a way of seeing, of seeing with the mind's eye. More than that; it is the soul's perception of the world* (ЯХВЕ: *Грезы – способ видеть мир внутренним взором. Более того, это восприятие мира душой*) [13, р. 29], а также это формула реальности самого мыслящего субъекта: YANWEN: *You dream, therefore you are* (ЯХВЕ: *Ты грезишь, следовательно, ты существуешь*) [13, р. 31], которая отсылает к известному изречению Рене Декарта.

Интересно, что подобная интерпретация видений и сновидений встречается и в культуре индейцев майя. Г.Г. Ершова утверждает, что у майя любое видение считалось хотя и специфическим, но все же достоверным источником информации о реальности, а также способом спрогнозировать будущее. Свои выводы она подкрепляет воспоминаниями писателя майя Хорхе Кокома о том, как его дедушка, деревенский шаман, объяснял мироустройство: «Во Вселенной всё является сновидением, и все мы видим сны. Но не все помнят о своих снах. <...> Человек, рождаясь на земле, попадает на пространство спящих существ. Можно сказать, что человек живет во сне. Когда же ты видишь сны и вспоминаешь их, ты можешь восстановить картину твоего изначально происхождения — и вернуться к жизни...» [6, с. 35].

Именно такое восприятие грез и в произведении Момадея не является случайным совпадением с приведенным культурологическим фактом. По словам А. В. Ващенко, философия Момадея частично совпадает с «философией ацтеков и майя, а также мировосприятием племен пуэбло, среди которых Момадей и вырос» [2, с. 78].

Время — еще один выразительный концепт мировосприятия индейцев, описанный Момадеем. Автор представляет время как обособленную силу: *YAHWEH: There is no passage of time, Urset. There is only passage through time (ЯХВЕ: Нет движения времени, Урсет. Есть только движение сквозь время)* [13, р. 48].

К тому же в индейской картине мира во времени не выделяется ни прошлое, ни будущее — есть только настоящее: *YAHWEH: Time is neither long nor short. It does not draw near, nor does it recede into the distance. It is present, that is all (ЯХВЕ: Нет времени долгого или короткого. Оно не приближается и не отдаляется. Есть настоящее, и всё)* [13, р. 47]. А будущее и прошлое, которые можно вспоминать и представлять, — это, согласно автору, искусственная грамматическая категория времени, не имеющая отношения к времени реальному и являющаяся лишь «продолжением настоящего»: так, на недоверие Урсета и его слова о свидетельствовании части прошлого Бог отвечает: *Artificial tenses, the past and future of which you speak, mere extensions of the present. I am. You are. Time is (Искусственность грамматического времени, то прошедшее и будущее, о которых ты говоришь, — это просто расширение настоящего. Я емь. Ты еси. Время есть)* [13, р. 48]. Он замечает: *My creatures have made of time a difficult concept, especially Man (Мои создания создали сложное представление о времени, особенно Человек)* [13, р. 49].

Однако это не означает, что время признается у индейцев статичным. У него есть собственное развитие. Так, Бог упоминает рождение настоящего времени, а также его конец — вечность, то, к чему Время закономерно придет. А человек в представлении коренных американцев не отстранен от времени, а находится в нем и как бы движим временем сквозь само себя, причем связь человека и Времени предельно тесна.

Время внутри произведения также не предполагает ни прошлого, ни будущего — все диалоги Урсета и Бога не имеют линейной связно-

сти, их разговоры начинаются и заканчиваются независимо друг от друга. О неоднозначности времени свидетельствует множество отсылок как к искусству Античности (упоминается Гомер и его строки о Троянской войне, статуя некоего «греческого философа или атлета») и писателям эпохи Возрождения (Шекспир, Данте, Сервантес), так и к творцам последних столетий (Людвиг ван Бетховен, Эмили Дикинсон, Герман Мелвин, Джеймс Джойс, Огюст Роден, Чарльз Лафтон). Момадей не обошел стороной и американских спортсменов, упомянув бейсболиста Эрни Бэнкса, легкоатлета Эдвина Мозеса и баскетболиста Майкла Джордана. Примечательно, что писатель отсылает исключительно к европейским и американским деятелям. В читательском восприятии временная размытость «Диалогов...» усиливается в эпизоде, где главные герои пьют кофе (этот напиток, как известно, был привезен в Северную Америку в XVII в.). Аналогичное впечатление создает использование Урсетом выражения «во время прайм-тайма» — таким термином с середины XX в. в США стали описывать время радио- и телепередач, собирающих наибольшую аудиторию. Важно отметить, что данные темпоральные маркеры, в том числе персоналии, встречаются преимущественно в двух последних главах, включенных только во второе издание книги. Иными словами, оригинальное произведение, как в ранней, так и в поздней редакции, не имеет временной конкретизации.

В отличие от времени, которое писатель представляет как крайне неопределенное, «вечное», пространство в сборнике конкретно и автобиографично. Упомянутые Момадеем географические ориентиры многочисленны, но дают ясное представление, что действие происходит на территории современного Нью-Мексико недалеко от Санта-Фе — города, где автор провел большую часть своей жизни. В частности, в произведении называются католическая святыня Чимайо, а также ручей Фрихолес, вдоль которого иногда гуляет Урсет.

Концептуальное значение для индейцев имеет также понятие Души. Душа в представлении коренных американцев не абстрактна, она имеет физическое воплощение: *YANWEN: The telling involves the voice, the human voice, the breath of the soul* (ЯХВЕ: *Повествование включает голос, человеческий голос — дыхание души*) [13, р. 43]. К тому же у нее есть определенная функция — постижение реальности, истинной реальности, не той, что видна глазами, о чем было сказано нами ранее: «Грезы — восприятие мира душой». При этом душа бессмертна, что находит соответствие и в европейской традиции ее восприятия. Состояние же души после физической смерти сравнивается автором с тенью: *URSET: In the caves are the bones of my children, Great Mystery. <...> I don't want to touch the shadows of their having been. I have no more need of their shadows or their souls than I have of my own* (УРСЕТ: *В пещерах лежат кости моих детей, Великая Тайна. <...> Я не хочу трогать одни только тени, что от них остались. Я нуждаюсь в их тенях или душах не более, чем в своих собственных*) [13, р. 45].

Таким образом, специфика мировосприятия североамериканских индейцев представляется многослойной, в нем происходит контамина-

ция элементов национально-этнической, автохтонной картины мира и западной, американско-европейской. Наварру Скотту Момадею удалось передать в «Диалогах Медведя с Богом» уникальность индейской культуры, которая вступает в диалог с мировоззрением западного человека, сохраняя свою самобытность.

Наиболее репрезентативными в этом отношении послужили аспекты бытия, затрагивающие религию и верования, а также первоосновы мироустройства. Несмотря на сильное влияние западной культуры и христианской религии колонизаторов, индейцы Северной Америки смогли сберечь этнически обусловленные фрагменты национальной картины мира даже с учетом последующей их ассимиляции и интеграции в американскую космополитичную цивилизацию.

Список литературы

1. *Айтин Е. Д.* Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990.
2. *Ващенко А. В.* Откровения природы и духа // Момадей Скотт Н. Диалоги медведя с Богом / пер., сост., коммент. А. В. Ващенко. М., 2005. С. 72–79.
3. *Ващенко А. В.* Индейская литература // История литературы США : в 5 т. М., 1997–2009. Т. 5. М., 2009. С. 869–885.
4. *Ващенко А. В.* Вечное там – вечное здесь // Мир Севера. 2013. №1. С. 23–29.
5. *Елистратов В. С.* «Здравствуй, Великая Тайна...» // Знамя. 2006. №4. URL: <https://znanlit.ru/publication.php?id=2947> (дата обращения: 31.03.2025).
6. *Ершова Г. Г.* Мифы мая. От жертвоприношений и священного какао до книги «Пополь-Вух» и подземного царства Шибальбы. М., 2025.
7. *Полубояров Д. И.* Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество. 2016. №22. С. 6–10.
8. *Спенс Л.* Мифы североамериканских индейцев. М., 2006.
9. *Староверова Е. В.* Американская литература. СПб., 2005. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/staroverova-amerikanskaya-literatura/indejskoe-vozrozhdenie.htm> (дата обращения: 31.03.2025).
10. *Уайт Дж. М.* Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура. М., 2006.
11. *Фёдоров Ф. П.* Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М., 2004.
12. *Keegan B.* Contemporary Native American and Indigenous Religions: State of the field // Religion Compass. 2022. №16 (9). <https://doi.org/10.1111/rec3.12448>.
13. *Momaday N. S.* In the bear's house. University of New Mexico Press, 2010.
14. *Momaday N. S.* On Common Ground in Siberia // The New York Times. 1997. URL: <https://www.nytimes.com/1997/09/14/t-magazine/on-common-ground-in-siberia.html> (дата обращения: 31.03.2025).
15. *Trimble J. E.* Stereotypical Images, American Indians, and Prejudice // Eliminating Racism. Perspectives in Social Psychology. Springer, 1988. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0818-6_9.

Об авторе

Никита Витальевич Макаров – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nimakarov@stud.kantiana.ru

AuthorID: 1117209

N. V. Makarov

**“THE BEAR-GOD DIALOGUES” BY NAVARRE SCOTT MOMADAY
AS A REFLECTION OF THE NATIONAL WORLDVIEW
OF NATIVE AMERICANS**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 June 2025

Accepted 10 March 2026

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-6

To cite this article: Makarov N.V. 2026, “The Bear-God dialogues” by Navarre Scott Momaday as a reflection of the national worldview of Native Americans, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 70–79. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-2-6.

79

The article analyzes the artistic model of the world in “The Bear-God Dialogues” (specifically the collection “In the Bear’s House”, 1999) by the Native American author N. Scott Momaday. It examines the influence of the beliefs of the indigenous peoples of North America on the author’s understanding of such aspects of consciousness and being as religion, language, time, space, art, and thought. The study highlights features of the Native American worldview, in which the images of God, the human being, and the animal, as well as the concept of the soul, have key conceptual significance. It also considers the interaction between Native American and Western European worldviews in the authorial consciousness of N. Scott Momaday.

Keywords: Native American literature, Navarre Scott Momaday, mindset, religion, artistic world-picture

The author

Nikita V. Makarov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nimakarov@stud.kantiana.ru

AuthorID: 1117209